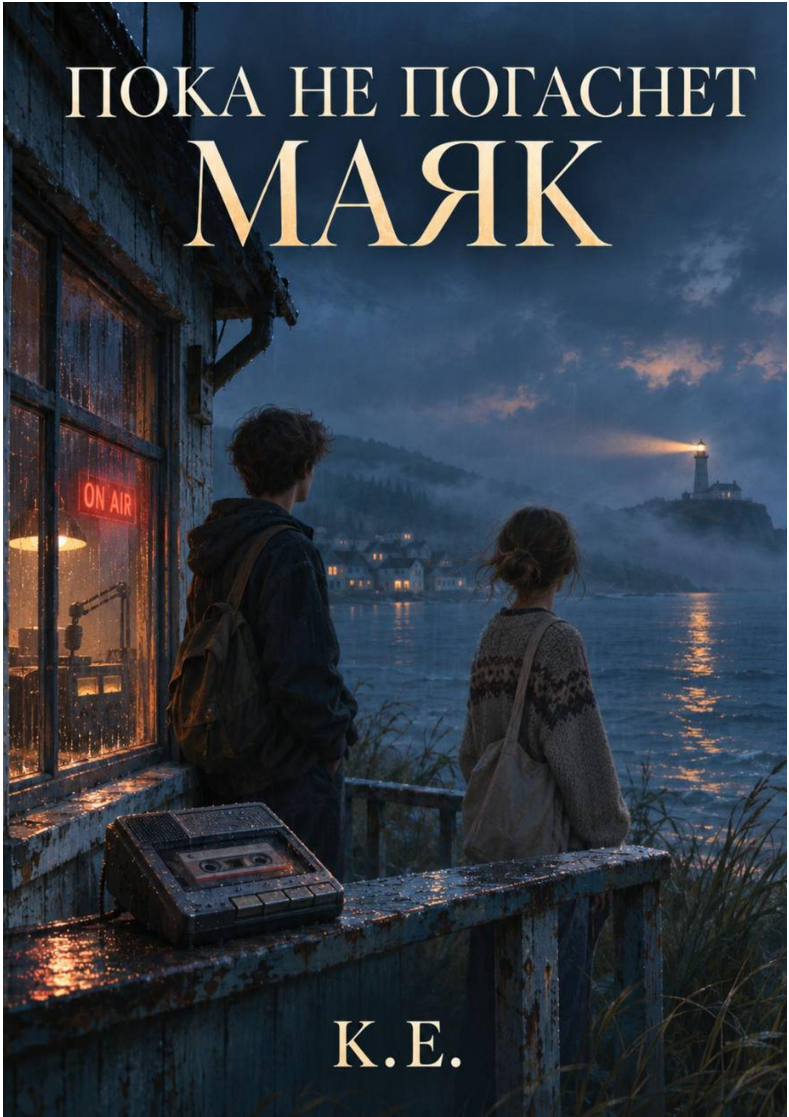
ПОКА НЕ ПОГАСНЕТ МАЯК

К.Е.

К. Е.
Пока не погаснет маяк

https://litres.ru/74731769
SelfPub; 2026

Аннотация

Лера приезжает в родной приморский город на два месяца перед выпускным классом — и надеется просто переждать лето. Но старую радиостанцию «Маяк», где когда-то работала её бабушка, собираются продать, а вместе с обшарпанным зданием готовы выбросить сотни записей, объявлений и голосов, которые никто не удосужился сохранить.

В коробке с кассетами Лера, Даша и Кирилл — брат мальчика, пропавшего здесь семь лет назад, — находят запись без подписи, письмо без адреса и слишком много чужих тайн.

Содержание

Глава первая. Последнее лето 5
Глава вторая. Голос в коробке 11
Глава третья. Те, кто остаются 18
Глава четвёртая. Первый эфир 26
Глава пятая. Семь минут 37
Глава шестая. Архив Даши 47
Конец ознакомительного фрагмента. 61

К. Е.

Пока не погаснет маяк

ПОКА НЕ ПОГАСНЕТ МАЯК

Роман в жанре young adult

Глава первая. Последнее лето

Когда автобус свернул с трассы на дорогу к морю, Лера поняла, что город опять пахнет мокрым железом.

Не солью, не водорослями и даже не рыбой, как обещали открытки у вокзала. Железом — ржавыми перилами, дождём на крышах и старым маяком, который торчал над бухтой, будто забытая кем-то спичка. Лера прижалась лбом к стеклу. По нему ползли капли, хотя дождь уже закончился.

— Узнала? — спросила мама с соседнего сиденья.

— Что именно?

— Дом. Море. Всё.

Лера не ответила. На экране телефона высветилось сообщение от Яны: «Ну что, ты уже в своём отпуске у тюленей?» Лера набрала: «Ага. Тут даже интернет скучает», но не отправила. Врать Яне было проще, чем объяснять, что она сама не знает, зачем приехала.

Они не были в Приморске пять лет. С тех пор бабушка умерла, мама продала квартиру в центре и переехала в город, где люди не спрашивали, почему ты так долго молчишь. Лера думала, что и сама больше никогда сюда не вернётся. Но теперь мама сняла комнату на два месяца в доме своей старой подруги, а Лере сказала: «Тебе полезно сменить обстановку перед выпускным классом».

Полезно. Как будто лето — это лекарство, которое можно

выдать по расписанию.

Автобус затормозил у площади. На остановке их встретила тётя Рита — невысокая, в жёлтом дождевике и с зонтом, раскрытым против ветра. Она обняла маму, потом Леру, задержав руки у неё на плечах.

— Совсем взрослая стала.

— Это потому что вы давно не видели.

Тётя Рита рассмеялась так, словно Лера сказала что-то очаровательное, а не колкое. Мама загрузила чемоданы в старый универсал. Пока они ехали по набережной, Лера смотрела на знакомые места, которые старательно притворялись незнакомыми: закрытый кинотеатр с облупленным афишным стендом, булочная на углу, лестница к пляжу. На каждом повороте она ждала, что память подставит ей звук — бабушкин голос, скрип калитки, гудок парома. Но память молчала.

Дом тёти Риты стоял на пригорке, в двух кварталах от старой радиостанции. Белая штукатурка потрескалась, сад зарос малиной. Лера занесла чемодан в комнату и первым делом открыла окно. Внизу, за крышами, лежал залив. На другом берегу мигал маяк.

— Он всё ещё работает? — спросила она.

— Конечно, — сказала мама. — Старый, но надёжный.

— Тогда он уже старше тебя.

— Это несложно.

Мама поцеловала её в макушку и ушла разбирать вещи.

Лера осталась у окна. Маяк мигнул ещё раз. На секунду ей показалось, что свет задержался, будто смотрел прямо на неё.

К вечеру мама уехала с тётей Ритой за продуктами, а Лера пошла прогуляться. Она сказала, что хочет увидеть море, хотя на самом деле хотела проверить, осталось ли что-нибудь от прежней себя. На набережной было почти пусто. Ветер гонял пластиковый стаканчик по плитке. У пирса двое мальчишек запускали бумажный кораблик в лужу и спорили, чей тонет быстрее.

Старая радиостанция «Маяк» стояла за зданием почты. Невысокое кирпичное здание, выкрашенное в голубой цвет, теперь выглядело так, будто его пытались смыть дождём. На двери висело объявление: «Студия закрыта. Оборудование будет вывезено 1 сентября».

Лера остановилась. В детстве бабушка водила её сюда по субботам — не работать, а слушать, как люди читали объявления о потерянных котах, найденных ключах и семейных праздниках. Лера помнила красный микрофон и круглые часы, которые всегда спешили на семь минут. Помнила, как однажды сама прочитала прогноз погоды и перепутала «переменную облачность» с «переменной облачностью на перемене». Бабушка смеялась весь вечер.

— Ты не местная, да?

Голос прозвучал за спиной. Лера обернулась. Парень стоял на крыльце станции, прислонившись к двери. Тёмные во-

лосы, чёрная куртка, на запястье — тонкая верёвка с металлической бусиной.

— А ты местный, раз задаёшь такие вопросы?

— Я задаю их, потому что знаю всех, кто сюда ходит. Или ходил.

— Значит, у тебя слишком много свободного времени.

— Сейчас у меня его станет ещё больше. Станцию закрывают.

Он глянул на объявление, потом на неё.

— Ты Лера Воронцова? Внучка Галины Петровны?

Лера почувствовала, как внутри что-то коротко и неприятно дёрнулось.

— Была.

Парень отвёл взгляд.

— Прости. Я Кирилл.

— Лера.

— Я знаю.

— Это уже прозвучало.

Кирилл усмехнулся, но улыбка сразу исчезла. В кармане его куртки завибрировал телефон. Он достал его, прочитал сообщение и выключил экран.

— Ты сюда зачем пришла?

— Посмотреть на здание.

— Оно скучное.

— А ты, видимо, гид.

— Бывший. Я тут иногда помогал. До того, как решили,

что подросткам лучше сидеть дома и не трогать технику.

Лера посмотрела на ржавый замок. На табличке возле двери кто-то написал маркером: «Не всё, что выключено, сломано».

— Красиво, — сказала она.

— Глупо.

— Тоже вариант.

Он протянул ей связку ключей. Лера не взяла.

— Это от станции. Внутри ещё остались коробки. Я должен забрать записи до вывоза. Если ты правда внучка Галины Петровны, может, узнаешь, что из этого оставить.

— Почему сам не заберёшь?

— Потому что один человек не должен решать, какие голоса здесь останутся.

Это была такая фраза, которую в кино произносили перед тем, как случалось что-нибудь важное. Лера не любила такие фразы.

— Я приехала на два месяца, — сказала она.

— Тогда у тебя есть два месяца.

Он снова протянул ключи. На этот раз Лера взяла их. Металл оказался холодным и тяжёлым.

Кирилл не стал спрашивать, согласилась ли она. Просто кивнул на дверь, будто договор уже заключён.

В тот вечер Лера положила ключи на тумбочку и долго смотрела на них. За окном маяк продолжал мигать. Она решила, что завтра вернёт их Кириллу. Потом решила, что сна-

чала зайдёт внутрь на пять минут.

Иногда самые долгие истории начинаются с пяти минут, которые ты собиралась потратить зря.

Глава вторая. Голос в коробке

На следующий день Лера пришла к станции в одиннадцать. Кирилл уже ждал у двери, ел яблоко и делал вид, что не смотрит на часы.

— Ты опоздала на три минуты.

— А ты здесь с девяти?

— Нет.

— Значит, мы оба умеем округлять.

Ключ подошёл не сразу. Замок скрипнул, будто возражал, но поддался. Внутри пахло пылью, пластиком и чем-то сладковато-горьким — запахом старых книг, которые пролежали закрытыми всю зиму. Кирилл включил свет. Лампы мигнули и загорелись одна за другой.

В маленьком коридоре громоздились коробки. На каждой — дата и подпись: «праздник школы», «объявления», «лето 2019». Лера провела пальцем по картонной крышке и увидела на коже серую полоску.

— С чего начнём?

— С записей, которые никто не забрал.

— А как мы поймём, какие важные?

— Послушаем.

В студии сохранились два микрофона, пульт с облезлыми кнопками и большой магнитофон. Кирилл уверенно проверил провода. Лера села на край стола, чтобы не испачкать

джинсы, но встала, когда он посмотрел на неё.

— Это не музей.

— Заметно.

Они разбирали кассеты почти час. Большинство содержало музыку, поздравления и объявления. Иногда из динамика раздавался голос, который звучал слишком близко: «Нашёлся серый кот, откликается на имя Кекс»; «С днём рождения, бабушка Нина»; «Завтра у школы перекроют дорогу». Лера узнала голос бабушки на одной записи. Та читала список потерянных вещей, нарочно драматично растягивая слово «шарф».

Лера не ожидала, что так быстро захочет заплакать. Она отвернулась к окну.

— Можно выключить, — сказал Кирилл.

— Не надо.

— Я не знаю, что тут говорить.

— Ничего.

Он кивнул и больше не пытался утешать её. Это оказалось лучше любых правильных слов.

В нижней коробке лежали кассеты без подписей. На одной был приклеен кусок синей изоленты. Кирилл поднёс её к свету.

— Эту я не видел.

— Может, потому что она просто пустая.

— Тогда проверим.

Он вставил кассету. Сначала послышались шорох и щел-

чок. Потом — шум ветра. Долгий, ровный, похожий на дыхание. Лера уже решила, что запись действительно пустая, когда в динамике прозвучал женский голос:

«Если ты это слушаешь, значит, в студии наконец-то стало тихо».

Кирилл застыл. Лера медленно повернулась к нему.

Голос был молодым, чуть хриплым и знакомым не настолько, чтобы назвать его сразу. На фоне щёлкнуло что-то металлическое.

«Я не собираюсь объяснять всё по порядку. Порядок здесь ничего не исправит. Просто передайте Мише, что я не сержусь. И что он не должен хранить эту коробку. Пусть выкинет её. Он поймёт».

Запись оборвалась. Магнитофон продолжал крутить ленту, пока Кирилл не нажал стоп.

— Кто такой Миша? — спросила Лера.

— Не знаю.

— Но ты побледнел.

— Тут холодно.

— На улице двадцать два градуса.

Он потянулся к кассете, но Лера успела вытащить её первой.

— Подожди. Давай ещё раз.

— Не надо.

— Ты узнал голос?

— Нет.

— Тогда чего ты боишься?

— Я не боюсь.

В его голосе не было злости. Только что-то усталое, от чего Лера вдруг почувствовала себя грубой.

— Извини.

Кирилл посмотрел на неё, будто проверял, не сказала ли она это просто для того, чтобы разговор закончился.

— В этой студии когда-то записывались все, — сказал он. — Даже те, кому некуда было идти. Иногда люди говорили здесь то, что не могли сказать дома. Может, эта запись вообще не для нас.

— Но кассета у нас.

— Это не делает её нашей.

Он снова включил проигрыватель, но голоса больше не было. Только ветер, помехи и в конце — три тихих удара. Кирилл остановил ленту.

Лера записала время и отметила номер кассеты на бумажном листе. Кирилл следил за ней.

— Что ты делаешь?

— Каталог. Чтобы ничего не потерялось.

— Ты сказала, что пришла посмотреть.

— Я посмотрела.

— И?

— Теперь хочу узнать, кто такой Миша.

Кирилл взял с подоконника старый карандаш и покрутил его между пальцами.

— Ты всегда так делаешь? Если что-то непонятно — обязательно лезешь внутрь?

— Нет. Иногда я просто ухожу.

— Почему не ушла сейчас?

Лера посмотрела на кассету. На синюю изоленту, выцветшую почти до белого. Она вспомнила бабушкин голос, который только что ожил в комнате и снова исчез.

— Потому что тут остались люди, которых никто не спросил, прежде чем выключить звук.

Кирилл ничего не ответил. Но когда они ушли, он запер станцию и не забрал ключи у Леры.

Вечером она нашла на сайте городской библиотеки список старых выпускников радиокружка. Поиск по слову «Миша» выдал двадцать три результата. Она уже закрыла страницу, когда в комнату заглянула мама.

— Как день?

— Нормально.

— Ты ходила куда-нибудь?

Лера подумала о голосе, который попросил передать Мише, что не сердится. О Кирилле, который старался не показывать, как его задела запись.

— В старую радиостанцию.

Мама застыла у двери всего на секунду, но Лера заметила.

— Туда ещё пускают?

— Пока.

— Лер, не нужно брать на себя чужие проблемы.

— Я ничего не взяла.

— Я просто не хочу, чтобы ты снова застряла здесь.

Лера закрыла ноутбук.

— Я уже здесь.

Мама села на край кровати. Она выглядела не сердитой, а испуганной. Это было хуже.

— Иногда возвращение кажется ответом, — сказала она. — Но оно не обязано им быть.

— А если я не ищу ответ?

— Тогда что ты ищешь?

Лера не знала. Возможно, подтверждение, что место, где она провела детство, всё ещё существует. Возможно, голос бабушки. Возможно, причину остаться на целое лето, хотя у неё были билеты обратно на двадцать девятое августа.

— Пока не решила.

Мама кивнула. Они обе сделали вид, что этого достаточно.

Ночью Лера долго не могла уснуть. Ветер стучал ветками по стеклу. Она включила телефон и нашла старое сообщение от бабушки, сохранённое в переписке: «Если станет скучно, иди к морю. Оно тоже иногда молчит, но это не значит, что ему нечего сказать».

Лера перечитала фразу дважды, а потом открыла блокнот и записала: «Кассета без подписи. Голос женщины. Миша. Коробка».

Подумав, дописала: «Кирилл знает больше, чем говорит».

На улице мигнул маяк. Один раз. Второй. Третий.
На четвёртый Лера уже смотрела.

Глава третья. Те, кто остаются

Кирилл пришёл на станцию с мокрым рюкзаком и двумя бумажными стаканчиками.

— Один без сахара, — сказал он. — На случай, если ты всё ещё притворяешься взрослой.

Лера взяла стаканчик.

— А второй?

— С сахаром. Для меня. Я не притворяюсь.

Она попробовала кофе и поморщилась. Вкус был такой, будто кто-то обжёг карамель и решил, что это напиток.

— Ты мог предупредить.

— Мог. Но тогда ты бы не узнала правду.

Они вернулись к кассетам. Лера принесла блокнот, Кирилл — список людей, которые раньше ходили в радиокружок. Список оказался коротким: фамилии, даты, несколько пометок карандашом. У одной записи — «Михаил С. — не пришёл после августа». У другой — «Миша Соколов, 2009–2017».

Лера остановилась.

— Он умер?

— Нет. Это годы кружка, — сказал Кирилл. — Наверное.

— «Не пришёл после августа» звучит не как годы кружка.

Кирилл поставил стакан на стол.

— Миша Соколов был моим братом.

Лера не сразу нашла слова. Она знала только, что Кирилл рос в Приморске с бабушкой и что его мать уехала несколько лет назад. О брате он никогда не говорил.

— Прости.

— Не извиняйся. Он пропал семь лет назад. Все говорят «исчез», будто от одного слова становится легче.

Внутри Леры всё собралось в тугой узел.

— Ты думаешь, эта запись про него?

— Я не знаю.

— Но ты слышал голос раньше?

— Нет. Я просто… — Он провёл ладонью по краю стола. — Когда Миша пропал, в городе искали его пару дней. Потом стали говорить, что он сбежал. Он часто ссорился с отцом. Людям так было удобнее: если человек ушёл сам, никто не виноват.

— А ты что думаешь?

— Я думаю, что ему было шестнадцать. Он не умел исчезать так, чтобы даже я не нашёл.

Эта фраза осталась между ними. Лера не попыталась её заполнить.

Кирилл достал из рюкзака старую фотографию. На ней двое мальчиков стояли у студийного микрофона. Старший улыбался широко и уверенно, младший — Кирилл — смотрел в сторону, будто кто-то позвал его за кадром.

— Это Миша? — спросила Лера.

— Да.

— Похож на тебя.

— Все так говорят.

— Это раздражает?

— Иногда. Особенно когда говорят, что я должен быть таким же.

Лера положила фотографию на стол. В углу виднелись те самые круглые часы, спешившие на семь минут.

— Ты помнишь, кто такой Миша из записи?

— Нет. Но был ещё один Миша — Михаил Сергеевич, техник. Он уехал из города, когда закрыли старый передатчик. Может, запись для него.

— Тогда почему на коробке синяя изолента?

— Не знаю. Это может быть что угодно.

— Ты сказал, что он поймёт.

— Я не сказал, что это про моего брата.

В коридоре послышались шаги. Дверь распахнулась, и внутрь заглянула девушка с короткими светлыми волосами и скейтбордом под мышкой.

— Кир, ты опять привёл кого-то без инструктажа?

— Это Лера. Внучка Галины Петровны.

— А, та самая Лера. — Девушка кивнула. — Я Даша. Инструктаж такой: если он начинает молчать, не надо думать, что это твоя вина. Он так экономит слова.

— Я не молчу.

— Ты сказал три слова за последние пять минут.

— Четыре.

— Прогресс.

Даша поставила скейт у стены и прошла в студию.

— Мы тут выбираем, какие записи сохранить, — сказала Лера.

— Тогда сохраните всё.

— Места мало.

— Места всегда мало, когда кто-то заранее решил, что важно.

Кирилл посмотрел на неё с выражением, которое Лера не смогла расшифровать.

— Даша ведёт городской архив, — пояснил он. — Неофициальный. Складывает туда афиши, фотографии, всякие странные штуки.

— Не «складываю». Оцифровываю. И у меня нет городского архива. Пока.

— Значит, у нас есть оцифровщик, — сказала Лера. — Можешь помочь с кассетами?

— Если вы не собираетесь прослушивать личные разговоры и выкладывать их в сеть.

Лера посмотрела на Кирилла. Он сидел неподвижно, но пальцы на его колене сжались.

— Не собираемся.

— Хорошо. Тогда я принесу сканер и ноутбук. Заодно покажу, как сделать копии так, чтобы исходники не испортить.

Даша подошла к окну. Внизу на площади рабочие снимали с афишной тумбы старые объявления.

— Они и станцию вывезут первого сентября? — спросила она.

— Так написано, — ответила Лера.

— У нас обещали оставить её под молодёжный клуб, — сказал Кирилл. — Потом сказали, что денег нет. А теперь вообще решили продать здание.

— Кто решил?

— Администрация.

— Тогда можно спросить, почему.

Даша и Кирилл переглянулись. Лера заметила этот взгляд. Они обменялись им быстро, как люди, у которых есть общий секрет.

— Что? — спросила она.

— Ничего, — сказал Кирилл.

— Вы оба ужасно врёте.

Даша села на подоконник.

— Было собрание. Мы просили отсрочку и доступ к документам. Нас выслушали, сказали «рассмотрим», а через неделю повесили объявление. Взрослые считают, что если подросткам обещать что-нибудь потом, они забудут.

— А вы не забыли?

— Мы устали напоминать, — сказала Даша. — Это не одно и то же.

Лера посмотрела на коробки вдоль стены. В них лежали поздравления, объявления о найденных котах, голоса людей, которым давно было некому позвонить. Может, станцию

нельзя было спасти. Но можно было хотя бы не дать вывезти её содержимое в неизвестном направлении.

— Давайте сделаем эфир, — сказала она.

Кирилл поднял голову.

— Какой эфир?

— Последний. Или предпоследний. Запишем истории людей, которые сюда ходили. Покажем, что станция не пустое здание.

— У нас нет передатчика, — сказала Даша. — Он сломан с прошлого года.

— Можно выложить запись в сеть.

— Это не остановит продажу, — сказал Кирилл.

— Может, и нет. Но если молчать, ничего точно не изменится.

Кирилл медленно покрутил в пальцах металлическую бусину на запястье.

— Ты приехала на два месяца. Не надо обещать то, что не успеешь сделать.

— Я не обещала спасти станцию.

— Пока.

Лера услышала в его голосе не насмешку, а страх. Он уже однажды надеялся, что город будет искать брата дольше двух дней. Надежда закончилась, а люди продолжили жить, как будто ничего не произошло.

— Я обещаю записать эфир, — сказала она. — Это я успею.

Даша улыбнулась уголком рта.

— Тогда нам понадобится микрофон, техника, разрешение на запись и человек, который умеет говорить.

— Микрофон есть, техника тоже. С разрешением разберёмся, — сказала Лера. — А говорить может кто угодно.

— Ты готова начать с себя? — спросил Кирилл.

Лера хотела ответить «нет». Хотела сказать, что она здесь только потому, что мама решила, что море полезно. Что она не знает, как звучит её собственный голос, когда она не старается кому-то понравиться. Что ей легче писать сообщения Яне, чем смотреть ей в глаза, хотя Яна сейчас за сотни километров.

Вместо этого она сказала:

— Да.

Кирилл отвёл взгляд к столу.

— Тогда завтра запишем первую историю.

Даша спрыгнула с подоконника.

— Отлично. Я принесу технику. А ты, Кир, перестань делать вид, что тебе всё равно.

— Мне не всё равно.

— Я знаю. Поэтому и говорю.

После её ухода Лера осталась с Кириллом в комнате. За окном медленно проступал вечер. В заливе загорались огни лодок.

— Ты правда думаешь, эфир что-то изменит? — спросил Кирилл.

— Не знаю.

— Хороший ответ.

— Я умею не знать.

— Это редкий навык.

— А ты умеешь говорить больше четырёх слов.

— Только по праздникам.

Он улыбнулся. На этот раз не исчез сразу.

Когда Лера шла домой, маяк мигал сквозь туман. Она подумала о человеке, который сказал, что не сердится. О мальчике на фотографии. О маме, которая боялась, что Лера снова застрянет в прошлом.

И впервые за долгое время ей захотелось не уехать поскорее, а узнать, что будет завтра.

Глава четвёртая. Первый эфир

Даша принесла оборудование в рюкзаке, который выглядел так, будто пережил три переезда и одну драку. Из него она достала ноутбук, маленький рекордер, наушники и моток кабеля.

— Если что-то задымится, вы оба ничего не трогали, — сказала она.

— Очень успокаивает, — ответил Кирилл.

— Я не успокаивать пришла.

Утро провели за настройкой. Даша подключила рекордер к пульту, попросила Кирилла сказать несколько фраз и подвигала ползунки. Его голос то становился глубоким и радиоведущим, то пропадал, будто он разговаривал из шкафа. Лера смеялась, пока сама не села перед микрофоном.

Красная лампочка на рекордере загорелась. Лера наклонилась к микрофону.

— Всем привет. Это…

Она остановилась.

В наушниках собственное дыхание звучало громче, чем должно. Лера сняла их.

— Не обязательно сразу говорить в эфир, — сказала Даша. — Мы просто проверяем звук.

— Я знаю.

— Тогда продолжай.

— Не могу.

Кирилл, который стоял у двери, не пошутил. Не спросил, что случилось. Он лишь выключил красную лампочку.

— Можем начать с кого-нибудь другого.

Лера отодвинула стул.

— Я обещала записать первую историю.

— Ты обещала записать эфир, — уточнил он. — Это не одно и то же.

— Уже отступаешь от собственных слов?

— Я пытаюсь не загонять тебя в угол.

От этого стало только неловче. Лера взяла стаканчик с кофе и обнаружила, что он пустой.

— Ладно. Найдём человека, который умеет говорить.

— Таких в городе мало, — сказала Даша. — Большинство умеет рассказывать, что раньше было лучше.

— Это уже материал.

Кирилл открыл старый список радиокружка. Между фамилиями он нашёл заметку: «Нина Павловна, булочная у площади. Истории про штормы. Любит чай без сахара».

— Ты записывал предпочтения всех гостей? — спросила Лера.

— Это не я писал.

— Почерк бабушки, — сказала Даша, заглянув через его плечо. — Галина Петровна всегда готовилась к интервью лучше, чем к собственному дню рождения.

Лера коснулась карандашной строчки. Почерк бабушки

был мелким, с наклоном вправо. Она вдруг ясно вспомнила, как та заполняла блокнот на кухне и просила Леру не дуть на чернила.

— Пойдём к Нине Павловне, — сказала Лера.

Булочная открывалась в семь и закрывалась, когда заканчивался хлеб. Нина Павловна встретила их в белом фартуке, с мукой на щеке и полотенцем через плечо.

— Галинина внучка? — спросила она, глядя на Леру. — Точно. У неё были такие же глаза, когда она собиралась спорить.

— Я ещё не решила, буду ли.

— Это она тоже говорила.

Нина Павловна поставила на стол тарелку с ещё тёплыми ватрушками. Даша попыталась отказаться, но ей сунули ватрушку в руку. Кирилл сразу взял вторую.

— Вот это я понимаю: человек пришёл с микрофоном и не голодный, — заметила Нина Павловна. — Значит, не журналист.

— Мы хотим записать истории о радиостанции, — объяснила Даша. — Чтобы сохранить записи и показать, что там было не пустое здание.

— Кто решил, что она пустая?

— Администрация.

— Администрация не слушает радио. Она бумаги слушает.

Лера достала рекордер, но не включила его.

— Вы не против, если мы запишем ваш рассказ?

Нина Павловна посмотрела на маленький прибор.

— А потом выложите в интернет?

— Только если вы разрешите. Сначала дадим вам послушать.

— Умная девочка. Бабушка тебя научила?

— Нет. Просто не хочу, чтобы кто-нибудь выкладывал мой голос без спроса.

— Тогда садитесь. Только про булочки в кадре не говорите, я сегодня не успела их красиво разложить.

Запись началась не с рассказа о радиостанции, а с того, что Нина Павловна разлила чай и поругалась на поставщика муки. Даша не останавливала её. Кирилл сидел у окна и листал блокнот. Через десять минут Нина Павловна сама отодвинула чашку.

— В первый раз я пришла на станцию после шторма, — сказала она. — У нас тогда свет пропал на полгорода. Люди не знали, открыт ли магазин, ходит ли паром, куда звонить, если застряли на дороге. Сотовой связи почти не было. А радио работало. Галина Петровна читала объявления, а я принесла список тех, у кого дома были генераторы. С тех пор каждую осень делала у неё рубрику про погоду.

— Вы читали прогноз? — спросила Лера.

— Прогноз и то, что люди хотели знать. Одно от другого часто отличалось. Если море штормит, прогноз говорит «ветер усиливается», а рыбак хочет услышать, что завтра можно

выйти. Утешение и информация — разные вещи.

Лера взглянула на Кирилла. Он не смотрел на неё; слушал Нину Павловну так внимательно, что даже перестал теребить бусину на запястье.

— А подростки? — спросила Даша. — Они тоже приходили?

— Конечно. Миша таскался сюда с тех пор, как дорос до ручки двери. Потом начал помогать с техникой. Всё разбирал и собирал обратно. Однажды настроил часы так, что они спешили на семь минут.

Кирилл поднял голову.

— Зачем?

— Говорил, чтобы успевать. Я ещё спросила: «Куда успевать, Михаил?» А он ответил: «Если ждать, пока взрослые заметят, будет поздно».

Лера поймала взгляд Кирилла. Он быстро отвёл глаза.

— Эти часы ещё там? — спросила Даша.

— Большие круглые? Да, пока не сломались. Я думала, их уже выкинули.

— Они стоят в студии, — сказала Лера. — Мы увидели их, когда пришли.

— Значит, всё-таки пережили ремонт. Хорошие часы. Батарейку меняли мы с Галиной. После того как Миша пропал, кто-то снял их со стены, но потом вернул.

Нина Павловна осеклась. Лера заметила, как та сжала ложечку в пальцах.

— Что значит «после того как пропал»? — спросил Кирилл.

— Ничего особенного. Я давно не вспоминала.

— Вы видели его в тот день?

— Кирилл, это было давно.

— Но вы помните.

Нина Павловна оглянулась на дверь в пекарню, за которой звякнул противень. Потом попросила Дашу выключить запись.

Рекордер погас. Лера не стала задавать вопрос. Кирилл смотрел на Нину Павловну, будто мог удержать её на месте одним взглядом.

— Я не знаю, что ты надеешься найти, — тихо сказала она. — Миша часто помогал на станции. В тот день он зашёл ненадолго.

— Во сколько?

— Не помню.

— Вы сказали, часы спешили.

— Все в городе это знали.

— И всё равно спрашиваю: во сколько?

Нина Павловна убрала чашки на поднос.

— Я закрывала булочную. Он пришёл после шести. Может, ближе к семи. Попросил меня никому не звонить, если станция будет молчать.

— Почему? — спросила Лера.

— Он не объяснил. Сказал только, что ему нужно кое-что

проверить.

— Вы позвонили кому-нибудь?

— Нет.

Кирилл поднялся так резко, что стул ударился о стену.

— Вы не сказали это полиции.

Нина Павловна побледнела.

— Я не понимала, что это важно.

— Семь лет прошло, — сказала Даша. — Может, всё-таки расскажете, что было дальше?

— Я не хочу, чтобы вы превращали его в загадку для своего эфира. Он был живым человеком. Не сюжетом.

— Мы не собираемся… — начала Лера.

— Ты его не знала, девочка. Не знаешь, что ему нравилось, чего он боялся. Ты слышала одну кассету и уже решила, что можешь собрать из неё его жизнь.

Слова попали точнее, чем Лере хотелось признать. Она посмотрела на рекордер, который так и не включила снова.

— Вы правы. Мы не будем выкладывать ничего без вашего согласия.

Нина Павловна устало кивнула и отвернулась к рабочему столу. Кирилл вышел первым. Даша задержалась на секунду, но Лера покачала головой: пусть та останется с Ниной Павловной.

На улице Кирилл остановился у витрины с булками. Его отражение пересекала полоса выцветшего объявления о ремонте дороги.

— Ты знал, что она видела его? — спросила Лера.

— Нет.

— Почему ты сразу на неё набросился?

— Она молчала семь лет.

— Может, боялась ошибиться.

— Она могла сказать хоть что-нибудь.

Лера не стала спорить. У Кирилла было право злиться. Но Нина Павловна не обязана была отдавать ему воспоминание только потому, что он наконец спросил.

Даша вышла из булочной с пакетом, из которого торчала бумажная салфетка.

— Она не хочет записываться, — сказала она. — Пока. Я пообещала, что мы ничего не опубликуем.

— Хорошо, — ответила Лера.

Кирилл посмотрел на неё.

— Ты не расстроилась?

— Расстроилась. Но обещание важнее записи.

Он ничего не сказал. Его злость не исчезла; она просто перестала искать, на кого обрушиться.

Обратно на станцию они шли пешком. У почты Даша свернула в магазин за батарейками. Кирилл продолжил путь молча. Лера догнала его у кирпичной стены радиостанции.

— Мы можем всё равно сделать эфир, — сказала она. — Не про Мишу. Пока.

— А потом?

— Потом спросим его самого, если найдём возможность.

— Очень смешно.

— Я не шучу. Мы не знаем, что случилось. Поэтому не будем заранее придумывать версию.

Кирилл провёл пальцем по потемневшей дверной ручке.

— Все уже придумали. Он сбежал. Он поссорился с отцом. Он уехал. У людей всегда есть версия, в которой не надо ничего делать.

— Тогда запишем истории тех, кто не сбежал.

— Это ты сейчас придумала, чтобы меня утешить?

— Нет. Я придумала, потому что эфир всё ещё нужен.

Он повернулся к ней. В его лице не было благодарности, и Лера не ждала её. Было только сомнение — может, впервые не в ней, а в том, что всё обязательно закончится так же, как раньше.

Даша вернулась с батарейками и пачкой жвачки.

— Я купила лимонную. Другой не было.

— Как обычно, ты спасла проект, — сказала Лера.

— Не преувеличивай. Я спасла звукозапись. Проект пока держится на скотче.

В студии они включили рекордер снова. На этот раз Лера села перед микрофоном сама. Кирилл поставил рядом стакан воды, не сказав ни слова. Даша подняла большой палец.

Красная лампочка загорелась.

— Это «Маяк», — начала Лера. — Мы собираем голоса людей, которые когда-то приходили сюда. Не для того, чтобы рассказать за них, что они чувствовали. Только чтобы дать

им место говорить самим. Если вы хотите поделиться историей, приходите на станцию или напишите нам. Мы ничего не будем публиковать без вашего разрешения.

Она сделала паузу и посмотрела на Кирилла. Тот едва заметно кивнул.

— Сегодня мы говорили с Ниной Павловной. Она пока не готова записывать свою историю, и мы это уважаем. Но она рассказала, что когда-то на этой станции часы спешили на семь минут. Миша Соколов настроил их сам. «Чтобы успевать», — сказал он.

Кирилл напрягся.

Лера понимала, что обещала ничего не публиковать. Она не раскрыла частный разговор, не назвала подробностей. Но имени она тоже не должна была произносить без разрешения. Она нажала стоп.

— Убери последнее, — сказал Кирилл.

— Уберу.

— И имя тоже.

— Хорошо.

Даша сохранила запись и отметила участок, который нужно вырезать. Лера откинулась на спинку стула. На этот раз она не боялась красной лампочки. Она боялась ошибиться с тем, кому принадлежит чужая история.

Кирилл подошёл к круглым часам. На циферблате было без десяти пять. Лера взглянула на телефон: без десяти пять тоже.

— Сейчас они не спешат, — сказала она.

— Нет. Мы их не заводили.

— Но Нина Павловна сказала, что кто-то снял их со стены и вернул.

Кирилл встал на стул и проверил заднюю крышку. Та держалась на двух винтах, третий был заменён тонкой проволокой.

— Не трогай, — сказала Даша. — Сначала сфотографируем.

Она достала телефон и сняла часы со всех сторон. Кирилл осторожно вынул проволоку. Внутри, за механизмом, что-то шуршало.

Лера подала ему пинцет из ящика с инструментами. Он вытащил узкую полоску бумаги, сложенную вчетверо. На ней синела та же выцветшая изолента, что была на кассете.

Кирилл развернул записку.

«Если часы снова идут правильно, проверь журнал дежурств. М.»

Он перечитал её, не моргая.

Лера почувствовала, как кожа на руках покрылась мурашками.

— Это его почерк? — спросила Даша.

Кирилл сжал бумагу так крепко, что она хрустнула.

— Не знаю.

Но он не отпустил записку.

Глава пятая. Семь минут

Кирилл убрал записку в карман, прежде чем Даша успела предложить её сфотографировать.

— Зачем ты её забрал? — спросила она.

— Чтобы не потерять.

— У меня в телефоне достаточно памяти.

— Это не одно и то же.

Даша поджала губы, но спорить не стала. Лера протянула руку.

— Дай мне посмотреть.

Кирилл разжал пальцы. Бумага осталась у него в ладони.

— Не хочу, чтобы вы начали придумывать, что он имел в виду.

— Тогда найдём журнал, — сказала Лера. — Это как раз то, что он попросил.

Кирилл медленно кивнул. Записку он всё же отдал Даше, чтобы та убрала её в прозрачный файл.

На станции они обыскали два стола, три шкафа и коробку с надписью «провода». В коробке нашлись провода, сломанные наушники, одна отвёртка и пакет с засохшим печеньем. Журнала дежурств не было.

— Может, его вывезли вместе с остальными бумагами? — спросила Даша.

— На объявлении сказано, что бумаги ещё здесь, — отве-

тила Лера.

— На объявлении также сказано, что оборудование вывезут первого сентября. Никто не обещал оставить нам архив в целости.

Кирилл открыл нижний ящик стола. Тот застрял на половине. Он дёрнул сильнее, и изнутри посыпались скрепки.

— Осторожно, — сказала Лера.

— Я осторожно.

— Ты только что напал на ящик.

— Он первый начал.

Даша протиснула ладонь в щель, нащупала что-то и потянула. Ящик наконец вышел. Под ним лежала тонкая тетрадь в тёмно-синей обложке. На корешке сохранились выцветшие буквы: «Дежурства. 2016–2017».

Кирилл перестал улыбаться.

Он не сразу взял тетрадь. Сначала посмотрел на обложку, потом на металлические часы на стене. Стрелки показывали без четверти шесть.

— Открой, — сказала Лера.

— Сам умею.

Но тетрадь он отдал ей.

Первые страницы были заполнены аккуратным почерком Галины Петровны: кто приходил, кто закрывал студию, когда меняли батарейки в передатчике. Иногда между строк появлялись короткие заметки: «отнести чайник», «позвонить электрику», «не ставить тяжёлую коробку на подоконник».

Лера перелистнула несколько недель.

— Тут два времени, — заметила Даша.

Слева стояла графа «часы студии», справа — «точное». Между цифрами в большинстве строк было семь минут.

— Вот почему он написал про часы, — сказал Кирилл.

— Может быть. Но это не доказывает, что он хотел, чтобы мы нашли именно эту тетрадь.

— Записку положили в часы. На ней написано «проверь журнал дежурств». Что ещё нужно?

— Ничего. Просто не решай заранее, что там будет.

Кирилл отвернулся к окну. Лера продолжила листать. Когда тетрадь дошла до конца августа 2017 года, записи стали реже. Почерк менялся: в одни дни крупный и быстрый, в другие — ровный, с нажимом. Некоторые смены были подписаны инициалами «М.С.».

— Вот он, — тихо сказал Кирилл.

Даша придвинула к себе настольную лампу. Под её светом проступила дата: 31 августа. На странице было несколько строк, часть закрывалась полосой старой клейкой ленты.

Лера осторожно отделила край. Бумага под лентой потемнела, но не порвалась.

«18:26 / 18:19 — проверка линии порта».

«18:41 / 18:34 — шум на частоте, повторить после передачи».

«18:53 / 18:46 — включён резервный передатчик».

В графе с точным временем цифры были вписаны другим

карандашом. Почерк был мельче и наклонён влево.

— Сначала часы студии, потом реальное время, — сказала Даша. — Они и правда спешили ровно на семь минут.

— А кто исправлял? — спросила Лера.

— Тут не подписано.

Кирилл наклонился к странице.

— Миша всегда ставил обе отметки. Он не любил, когда оставляли одну.

— Откуда ты знаешь? — спросила Лера.

— Он заставлял меня заполнять такие же таблицы, когда я помогал. Говорил, что часы могут ошибаться, а люди потом спорят из-за чужих ошибок.

— Звучит разумно.

— Он был занудой.

Кирилл провёл пальцем по полю страницы, не касаясь записей.

Следующая строка была перечёркнута. Чернила расплылись от воды или времени. Под ней сохранились лишь отдельные буквы: «вторая линия», «не отвечать» и цифры «19:0…».

Дальше шла запись: «19:17 / 19:10 — М.С. вышел из здания».

Лера посмотрела на часы. Теперь она понимала, почему Миша настроил их заранее. По часам станции он ушёл в семнадцать минут восьмого. По точному времени — в десять минут восьмого.

— Это последняя запись о нём? — спросила она.

Кирилл перелистнул страницу. На следующем листе значилось: «1 сентября. Студия закрыта. Дежурство отменено».

Он долго смотрел на эти слова.

— Они всё отменили на следующий день, — сказал он. — Даже не знали, искать ли его здесь.

— Или уже знали, что он не вернётся, — тихо сказала Даша.

Кирилл повернулся к ней.

— Не надо.

— Я не говорю, что знаю почему. Просто читаю запись.

— Тогда читай дальше.

После строки о выходе Миши шли ещё три записи, сделанные другой рукой. «Входная дверь закрыта». «Проверка передатчика». «Ключ сдан». Все они стояли в графе времени студии. Точное время было оставлено пустым.

— Это мог быть кто-то из взрослых, — сказала Лера. — Они записали, когда закрывали станцию.

— Или кто-то хотел, чтобы выглядело именно так, — ответил Кирилл.

— У нас нет доказательств ни того, ни другого.

Он отодвинул тетрадь.

— Ты всё время говоришь «нет доказательств». Я знаю. Я семь лет это слышу.

— Я не говорю, что тебе нельзя злиться.

— А что ты говоришь?

— Что мы ещё не знаем, на кого злиться.

Слова прозвучали резче, чем Лера рассчитывала. Кирилл встал и прошёл к двери. На пороге задержался, но не вышел.

Даша достала из сумки телефон и сделала снимки каждой страницы. Потом сравнила строки, увеличив их на экране.

— Тут в переплёте что-то есть.

Она показала на нижний угол, где тетрадь была надорвана. Между листами застрял тонкий прямоугольник бумаги. Даша вытянула его деревянной палочкой.

Это был узкий кусок копировального листа. На нём сохранились вдавленные следы букв. Чернил не было, но бумага помнила нажим карандаша.

— Можно восстановить? — спросила Лера.

— Если положить под лампу и пройти графитом. Но это займёт время. И легко испортить.

— Тогда не трогай пока.

— Согласна. Сначала сфотографирую при разном освещении.

Кирилл вернулся к столу. Он принёс из аппаратной переносную лампу и поставил её сбоку, чтобы свет падал на бумагу под углом. На снимке стали видны линии. Даша увеличила изображение.

— Тут время. Девятнадцать… может, ноль четыре.

— И слово? — спросил Кирилл.

— Не вижу.

— Увеличь.

— Оно уже увеличено.

— Может, под другим углом?

— Кирилл, если ты будешь дышать мне в экран, буквы яснее не станут.

Он отступил.

Даша сделала несколько снимков и перевела экран на чёрно-белый режим. В середине листа проступили две короткие строчки. Первая читалась почти целиком: «19:04 — приём на второй линии». Вторая терялась у самого края: «не записывать в общий…»

— Приём чего? — спросила Лера.

— Не знаю. «На второй линии» — возможно, телефонная линия или частота. Тут раньше было два входа, — сказала Даша. — Один шёл от городского телефона, другой — от порта.

— Почему не записывать? — спросил Кирилл.

— Может, это вообще не «не записывать». Может, «не оставлять в общей…» — Лера прищурилась на снимок. — Последнее слово не разобрать.

— В журнале всё равно есть «проверка линии порта», — сказала Даша. — Через семь минут после этой записи он включил резервный передатчик.

— А потом вышел, — добавил Кирилл.

В комнате стало тихо. Лера услышала, как в коридоре щёлкнула труба отопления. Из динамика на столе тянуло ровным шорохом — они забыли выключить прослушивание.

— Нам нужен исходный звук, — сказала Даша. — Если есть записи за тот вечер, может, в них сохранился сигнал второй линии.

— Коробки без подписей мы уже прослушивали, — сказал Кирилл. — Там в основном пустые кассеты и поздравления.

— Не все. Ещё есть коробка в аппаратной.

Лера подняла глаза.

— Ты говорил, все коробки здесь.

— Я сказал, что мы их ещё не проверили.

— Нет, ты сказал, что мы разбирали кассеты почти час. Ты не говорил, что есть ещё одна коробка.

Кирилл не ответил. Лера закрыла тетрадь, чтобы не задеть хрупкий лист.

— Там что-то личное?

— Я не знаю, что там.

— Но знаешь, что коробка есть.

— Её попросили не трогать.

— Кто?

Кирилл посмотрел на записку в прозрачном файле.

— Миша.

Даша опустила телефон.

— Когда?

— Перед тем, как пропал. Он сказал, что коробку нельзя отдавать отцу. Я не знал, что там, и не спрашивал.

Лера вспомнила запись на кассете: «Он не должен хранить

эту коробку. Пусть выкинет её. Он поймёт».

— Это могла быть та самая коробка, — сказала она.

— Или другая. — Кирилл провёл ладонью по затылку. — Я не хочу снова вскрывать всё подряд и делать вид, что знаю, что он хотел.

— Тогда сначала найдём её и не будем открывать без тебя, — предложила Даша.

— Если она вообще ещё там.

— Проверим, — сказала Лера. — А решение оставим тебе.

Кирилл взглянул на неё. Потом забрал тетрадь и положил обратно в ящик, отдельно от остальных бумаг. Записку он вернул в файл Даше.

— Коробка в маленькой аппаратной, — сказал он. — За стойкой. Но сегодня мы туда не полезем.

— Почему? — спросила Лера.

— Потому что сначала надо понять, что именно мы ищем. И потому что я не хочу делать это наспех.

Лера кивнула. Впервые за два дня Кирилл сам обозначил границу, и никто не стал её проверять.

Перед уходом Даша ещё раз сфотографировала страницу с временными отметками. Лера записала в блокнот: «31 августа. 19:04 — вторая линия. 19:10 — Миша вышел, по точному времени. 19:17 — по часам студии».

Она подчеркнула цифры семь минут.

Уже на улице Кирилл остановился у закрытой почты и до-

стал телефон.

— Я тогда был дома, — сказал он. — Мне было десять. Мама говорила, что он ушёл за хлебом.

Лера не сразу поняла, что он говорит не ей, а самой памяти.

— Может, он и правда заходил за хлебом.

— В журнале написано, что он вышел из станции. Это не говорит, куда он пошёл.

— Нет.

Кирилл выключил экран телефона.

— Мне надо спросить Нину Павловну, что было после того, как он вышел.

— Она может пока не захотеть отвечать.

— Тогда я подожду.

Это не звучало как обещание простить её. Только как решение не уходить.

Над бухтой поднялся туман. Маяк исчез из виду, но свет всё ещё пробивался через него, раз в несколько секунд скользя по мокрой улице.

Лера закрыла блокнот. Впервые у них была не только чужая фраза на кассете, но и время, которое можно было проверить. Слишком мало, чтобы понять, что случилось. Достаточно, чтобы не возвращаться к прежней версии.

Глава шестая. Архив Даши

Утром мама спросила, купила ли Лера обратный билет.

Они стояли на кухне тёти Риты. За окном серело море; на подоконнике остывал чай, который никто не пил. Мама уже успела надеть пальто и собрать волосы в низкий хвост. Лера знала этот вид: сейчас та уедет по делам, а вечером вернётся с вопросами, на которые обе ответят «нормально».

— У меня билет на двадцать девятое августа, — сказала Лера.

— Я помню. Просто хочу знать, не собираешься ли ты менять планы.

— Пока нет.

Мама застегнула пальто до горла.

— «Пока» — это не ответ.

— Другого у меня нет.

Тётя Рита положила на стол тарелку с нарезанными яблоками. Лера взяла кусок, чтобы не смотреть на мать.

— Вы же договорились, что она сама решит, чем займётся этим летом, — сказала тётя Рита.

— Я не запрещаю ей ничего. Я спрашиваю.

— Иногда это звучит одинаково.

Мама посмотрела на сестру. Тётя Рита отвернулась к раковине и стала мыть нож, который был чистым.

Лера сунула яблоко в рот.

— Я сегодня буду в школе с Дашей. У неё есть старые журналы радиокружка.

Мамин взгляд задержался на ней.

— Зачем?

— Хотим проверить записи из журнала дежурств.

— Лера, ты обещала не превращать чужую беду в расследование.

— Я обещала не выкладывать ничего без разрешения.

— Это не совсем то же самое.

— Я знаю.

Мама поправила ремень сумки. На секунду её пальцы замерли на пряжке.

— Ты не знаешь, что найдёшь.

— Поэтому и посмотрю.

— А если это касается людей, которые не хотят, чтобы их вспоминали?

— Мы не будем публиковать их имена.

— Ты уже назвала имя Миши в записи.

Лера опустила взгляд на стол. Она не ожидала, что мама услышала пробную запись. Может, тётя Рита переслала ей фрагмент, может, станция была слышна из открытого окна. Она не стала спрашивать.

— Я его вырезала.

— Хорошо.

Мама сказала это так, будто ставила отметку в списке дел. Потом наклонилась и поцеловала Леру в висок.

— Если станет слишком тяжело, просто уходи оттуда.

— Хорошо.

Обе знали, что Лера не обещала.

В школе пахло влажными куртками, даже несмотря на каникулы. Даша ждала у бокового входа с ключом на синем шнурке. На стене висела афиша летней ярмарки, края которой уже свернулись от сырости.

— Ты часто сюда ходишь? — спросила Лера.

— Только когда мне дают ключ.

— А дают часто?

— Достаточно, чтобы я знала, где отключается сигнализация.

— Это ответ, который должен меня беспокоить?

— Нет. Это ответ, который должен тебя впечатлить.

Даша открыла дверь. Внутри было тихо и прохладно. Они прошли по коридору мимо кабинета музыки и лестницы на второй этаж. У двери с табличкой «Медиацентр» Даша остановилась.

— Здесь хранят школьную газету, старые фотографии и всё, что некому выбросить. Я помогаю разбирать материалы раз в неделю. Формально это не городской архив.

— А неформально?

— Неформально сюда приносят коробки, если в кабинете завуча закончились места.

Пока Даша искала ключ, Лера заметила на стене узкую полку с карточками. На каждой были дата, название коробки

и короткая пометка: «можно сканировать», «спросить автора», «не публиковать».

— Ты сама это придумала? — спросила она.

— Иначе всё превращается в свалку с красивой этикеткой.

— А пометка «спросить автора» часто помогает?

— Иногда человек даже не помнит, что оставил здесь рисунок или письмо. Иногда помнит слишком хорошо.

Даша вставила ключ в замок.

— В прошлом году мы выложили на школьный сайт старую фотографию с ярмарки. Там была девочка, которая давно не училась здесь. Через день она написала, чтобы мы убрали снимок. Её родители как раз разводились, и она не хотела, чтобы кто-нибудь снова обсуждал, с кем она тогда

пришла.

— Ты убрала?

— Конечно. Фотография пролежала в коробке десять лет, но это не означало, что она стала общей.

Даша открыла дверь и пропустила Леру вперёд.

— Поэтому перед эфиром мы будем спрашивать. Даже если кажется, что уже всё понятно.

Внутри стояли металлические стеллажи. На полках — альбомы, подшивки газет и контейнеры с наклейками: «День города», «театральный кружок», «школьное радио», «не подписано». На столе у окна лежала стопка фотографий, прижатая тяжёлым деревянным кубком.

Даша сняла куртку и повесила её на спинку стула.

— Сначала ищем всё, что связано с августом 2017-го. Афиши, расписания, журнал дежурств, если он тут есть.

— А если найдём имя человека со второй линии?

— Запишем. Потом проверим, что оно означает.

— И не будем сразу звонить человеку?

— Зависит от того, что найдём.

Лера посмотрела на неё.

— Ты всегда так осторожничаешь?

— Нет. Но я видела, что происходит, когда осторожность называют трусостью, а потом чужое имя уже гуляет по городу.

— Это про проект?

— Это про всё.

Даша открыла шкаф. На верхней полке оказались три коробки с надписью «Школьное радио. 2016–2018». Они сняли одну и поставили на стол. Пыль осталась серым полумесяцем на крышке.

Сверху лежали выпуски газеты «Перемена». Лера взяла один и пролистала. На первой странице — фотография спортивного зала, на второй — интервью с учителем физики, который, судя по выражению лица, не хотел участвовать в интервью. Дальше шли заметки о кружках и объявления.

— Вот, — сказала Даша, вытащив выпуск за сентябрь 2017-го.

В маленькой колонке на последней странице было написано: «Вечерняя радиопередача “Город слушает море” переносится из-за технических неполадок. Спасибо волонтёрам, которые подготовили площадку. Отдельная благодарность М. Соколову за оборудование».

Лера перечитала строку.

— Переносится? В тот вечер передачу отменили?

— Не обязательно. Газета могла выйти через неделю, а к тому времени эфир уже состоялся. Но формулировка странная: «переносится» без новой даты.

Даша положила газету рядом с журналом, который они нашли вчера. На странице с 31 августа запись о включении резервного передатчика стояла в 18:53 по часам студии. Если считать точно, в 18:46.

— Может, из-за неполадок и включили резервный, — сказала Лера.

— Возможно.

— Тогда почему нет даты нового эфира?

— Может, его так и не провели.

Даша перевернула выпуск и нашла дату печати: седьмое сентября. До этого Лера не обратила внимания на крошечную цифру у края страницы.

— Значит, это не объявление о переносе, которое они развесили заранее, — сказала Даша. — Это объяснение, напечатанное спустя неделю.

— Ты думаешь, они придумали неполадки после того вечера? — спросил Кирилл.

— Я думаю, что газета не доказывает, когда именно отменили передачу. Но формулировка появилась уже после того, как Миша пропал.

Кирилл провёл ногтем по строке, не касаясь бумаги.

— Тогда кто-то знал, что её надо объяснить.

Лера перевернула страницу. На полях карандашом была написана короткая пометка: «второй вход — оставить свободным». Под ней стояли инициалы, похожие на «М.С.».

— Это он? — спросила она.

Даша сравнила пометку с подписью в журнале. Буквы М и С совпадали, но вторая была слабо видна.

— Похоже на его почерк.

— «Второй вход» — это вторая линия?

— Может быть. Тут в школьном радио были два микрофонных входа и два телефонных. Но почему свободным? Чтобы принять звонок? Или подключить чей-то аппарат.

Кирилл вошёл в медиацентр, не постучав. В руках у него был бумажный пакет из булочной. Он поставил его на край стола.

— Я принёс завтрак.

— Это булочки? — спросила Даша.

— Нет, камни. Конечно, булочки.

Лера открыла пакет. Внутри лежали три ватрушки и бумажная салфетка. Нина Павловна ничего не передала, но по запаху было ясно, что Кирилл купил их у неё.

— Ты ходил к ней? — спросила Лера.

— За хлебом.

— И что она сказала?

— Что хлеб стоит столько же, сколько вчера. Остальное оставила на потом.

Он взял газету и стал читать заметку. На словах «технические неполадки» его челюсть напряглась.

— В журнале всё работает, — сказал он. — Проверка линии, резервный передатчик, Миша вышел. Никаких неполадок.

— В журнале не написано, что передача состоялась, — заметила Даша.

— В газете сказано, что её перенесли.

— Значит, кто-то знал о проблемах заранее.

— Или придумал это потом.

Даша не возразила. Она вытащила из коробки папку с планами мероприятий. Внутри лежали афиши школьных концертов, расписания дежурств, списки оборудования. На одном листе чернила расплылись по сгибу. Даша положила его под лампу и расправила ладонью.

«Город слушает море. Прямая связь со слушателями. 31 августа, 18:30–20:00. Школьный двор. Радиостанция “Маяк”.»

Снизу мелким шрифтом: «В случае шторма перенос в медиацентр. Сигнал на вторую линию — только для дежурных».

Лера взглянула на Кирилла. Он не отводил глаз от афиши.

— Значит, передача должна была идти два часа, — сказал он. — Но в журнале Миша вышел в 19:10.

— Может, его сменил кто-то другой, — сказала Лера.

— Тогда почему на афише нет имени второго ведущего?

Даша перевернула лист. На обратной стороне обнаружились карандашные пометки. Время начала, список кабелей, номер телефонной линии. Рядом с «дежурный в медиацентре» стояло «Е. Воронцова».

У Леры в руке размялась ватрушка. Крошки упали на стол.

— Это моя мама.

Кирилл поднял голову.

— Ты уверена?

— Её зовут Елена Воронцова.

— Может, другая Елена Воронцова, — сказал он, но голос у него изменился.

Лера посмотрела на подпись. Почерк был похож на мамин — буква «В» с длинным нижним крючком, маленькая «н», которая почти соединялась с «а». Но это мог быть и почерк другого человека. Она не хотела узнавать его так быстро.

— Я не знаю. Может быть.

Даша не торопила её. Она достала школьный журнал ме-

диацентра. Тот оказался тонким, с выцветшей зелёной обложкой и двумя пластиковыми разделителями. За 2017 год в нём было мало записей. На странице за август значились фамилии волонтёров и выданное оборудование.

«Соколов М. — переносной рекордер № 2, кабель, батареи».

«Воронцова Е. — линия 2, контроль соединения».

Ниже, в графе возврата, кто-то поставил отметку напротив рекордера: «передан Е.В., 20:05». Время было написано синими чернилами поверх карандашного «19:5…».

— Вот и вторая линия, — сказала Даша. — И вот кто за ней дежурил.

— Это не доказывает, что это моя мама, — сказала Лера.

— Нет.

— И не доказывает, что она была там в тот день.

— Запись говорит, что кто-то с этой фамилией был.

Кирилл закрыл журнал. Не сильно, но хлопок вышел громче, чем должен был.

— Твоя мама знала Мишу?

— Я не знаю.

— Ты говорила, что не знаешь, почему она не хотела, чтобы ты возвращалась сюда.

— Я и сейчас не знаю.

— Но она увидела кассету и испугалась.

Лера молчала. Она не хотела защищать маму, не зная, от чего. Не хотела и соглашаться с Кириллом только потому,

что у него был повод злиться.

— Я спрошу её, — сказала она.

— Сейчас?

— Не здесь.

Даша закрыла журнал и подвинула его к себе.

— Мы не можем фотографировать личные данные и выкладывать их. Этот журнал школьный. Надо спросить у Зинаиды Марковны, можно ли оставить копию для сверки.

— Я не собирался его выкладывать, — сказал Кирилл.

— Я знаю. Но если это не тот человек, мы уже причиним вред. Если тот — тем более.

Кирилл сжал бумажный пакет. Пальцы смяли угол.

— Хорошо. Спросим.

Зинаида Марковна работала в библиотеке и отвечала за медиацентр. Она пришла через десять минут, держа под мышкой папку с расписанием. Увидела открытые материалы и сняла очки.

— Даша, ты опять открыла архив без меня?

— Я была с вами вчера. Вы сказали, что могу искать школьное радио.

— Искать — да. Выносить — нет.

— Мы ничего не выносили.

— Пока.

Она посмотрела на Леру и Кирилла, задержавшись взглядом на последнем.

— Вы нашли что-то личное?

— В журнале есть запись о смене 31 августа 2017 года, — сказала Даша. — Мы хотим понять, можно ли её переписать для проверки временной последовательности. Ничего публиковать не будем.

Зинаида Марковна перелистала страницу, не касаясь её пальцами.

— В журнале есть фамилии и номера оборудования. Это не материал для эфира.

— Мы и не просим разрешения на эфир, — сказала Лера. — Только проверить, совпадает ли запись с журналом радиостанции.

— А зачем вам это?

— Там была указана вторая линия. В тот вечер пропал человек.

Зинаида Марковна закрыла журнал.

— Миша Соколов.

Кирилл выпрямился.

— Вы его помните?

— Конечно. Я тогда вела медиацентр. Он помогал с аппаратурой. Очень толковый мальчик. Потом случилось то, что случилось.

— Вы знали, кто дежурил на второй линии? — спросила Лера.

— В журнале указано.

— Елена Воронцова.

Зинаида Марковна подняла на Леру глаза.

— Да.

Она не спросила, кто ей приходится эта Елена. Не стала уточнять, откуда Лера знает имя. Только сняла очки и протёрла их краем кофты.

— Это моя мама, — сказала Лера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.